

А. В. Витол (Санкт-Петербург)

ПРЕЕМНИК ЕКАТЕРИНЫ II – СОЮЗНИК СУЛТАНА

С БИИ ИМПЕРАТОРА Петра III и Екатерины II представляет большой интерес для историков, являясь темой постоянных дискуссий. Одни искренне считают его тираном, другие – реформатором, пытавшимся хоть в чем-то модернизировать Россию на европейский манер.

Детство будущего императора было непростым и даже тяжелым. Как говорится в книге 1902 г. Ф. В. Каратова «Павел I: Его семейная жизнь, фавориты и убийство», «Павел был в детстве премилый характер, со всеми задатками будущего хорошего человека: он был умен, откровенен, добродушен, прилежен, старателен, а дурное воспитание сделало из него хитрого, замкнутого, мрачного, строгого и деспотического человека...». «Детство Павла было весьма печально, а воспитание его было еще того хуже»¹.

Из-за интриг и политической борьбы при дворе юный Павел был, по сути, лишен любви близких ему людей. Императрица Елизавета Петровна приказала окружить его целым штатом нянек и лучшими, по ее представлениям, учителями, а мать и отец были фактически отстранены от воспитания своего ребенка: сразу после рождения Павел был отселен от матери. Его мать Екатерина могла видеть его очень редко и только с разрешения императрицы. Когда Павлу было восемь лет, его мать, опираясь на гвардию, осуществила переворот, в ходе которого отец Павла при не вполне выясненных обстоятельствах был убит.

Психологическая травма ребенка, полученная при этом (не зря впоследствии Павла называли «русским Гамлетом») только усугубилась впоследствии. Хотя воспитывался Павел как наследник

престола, но чем старше он становился, тем дальше его держали от государственных дел. Властолюбивая императрица и ее сын стали друг другу совершенно чужими людьми. Для Екатерины цесаревич был нежеланным сыном, рожденным от нелюбимого ею человека в угоду политике и государственным интересам, мало похвалившим внешне и по своим взглядам, предпочтениям на свою мать. Екатерину не могло не раздражать это. Она называла войска Павла в Гатчине «батушкиной армией»² и не препятствовала распространению неприятных для сына слухов (если не распространяла их сама): о неуравновешенности и жестокости Павла; о том, что вовсе не Петр III был его отцом, а ее любовник Салтыков; что он ей вовсе не сын, что по приказу Елизаветы ей подложили другого ребенка³.

Но вместе с тем Павел I вступил на престол с искренним желанием сделать все для процветания народа, с готовыми проектами реформ, которые, по его мнению, должны были «исцелить» Россию, дать новое направление ее политической и государственной жизни⁴.

При этом в вину императору традиционно вменяют его экзальтированный, но вместе с тем и излишне «механистичный» подход к управлению государством, где его личный идеализм и рыцарственность сочетались с беспощадной и нерассуждающей прусской муштрой.

Так, например, современный исследователь А. Е. Пресняков⁵ полагает, что и гатчинский «рыцарский» идеал Павла I, и его страсть к дисциплине и «механической» прусской муштре были следствием болезненного характера императора.

Однако эту точку зрения разделяли и разделяют не все. Так, например, автор выпущенного в Петербурге в 1899 г. биографического очерка «Павел I (1754–1801)», Е. С. Шумигорский писал: «Суровое, даже жестокое, соблюдение дисциплины и порядка казалось Павлу необходимым и для того, чтобы обезопасить себя от заговоров, которых он стал чрезвычайно бояться, после того, как желание Екатерины устранить его от престола указало ему опасность, угрожавшую ему даже в среде собственной семьи»⁶.

Поэтому неудивительно, что начало самостоятельного царствования Павла I было встречено многими современниками с негодованием или страхом: многие попросту ожидали, что по восшествии на престол он намеренно начнет мстить недоброжелателям.

Исходя из этого ожидания возможных репрессий, воспринимались современниками и очень многие действия Павла I в это время. Дисциплинарные взыскания по службе, подогретые памятью прежней «вольницы» эпохи Екатерины, осознавались многими как личные выпады императора в их персональный адрес, что только усиливало враждебность.

На деле же довольно многие «причуды» царя, передаваемые из уст в уста современниками, имели вполне разумную и серьезную подоплеку. Одной из таких «причуд» русского обычно принято считать борьбу с «круглыми шляпами» как в Москве, так и в С.-Петербурге. Людей, носящих круглые широкополые шляпы, на улицах останавливали патрули и могли обрезать (обстричь) поля до «приемлемого» размера. Со стороны эта мера, возможно, выглядит очень странной, особенно в наши дни, но в ту эпоху форма одежды, прически, аксессуаров и проч. всегда являлась отражением как социального (или даже семейного) статуса человека, так и его политических взглядов. В соседней Швеции агрессивную партию реваншистов именовали как раз «шляпами», а сторонников мира (презрительно) – «колпаками». При этом в революционной Франции колпаки на манер фригийских считались признаками якобинцев и санкюлотов. В Италии широкополые шляпы, позволяющие скрывать лицо, являлись атрибутом заговорщиков-карбонариев, людей, скрывающихся от закона, и проч. Неудивительно, что при Павле I такие предметы тоже вызывали раздражение. Они явно ассоциировались у него с революцией и «беспорядками», против которых он выступал все свое недолгое царствование.

Также в виде «причуды» описывают обычно и искреннее, по-видимому, намерение императора бороться за «правду» и «гласность». Он хотел сделать так, что любой его подданный мог бы обратиться к нему, царю, абсолютно с любой просьбой или жалобой. Нередко это описывают как знаменитый «почтовый ящик» или так называемый «желтый ящик», который исследователь В. И. Сергеев называет «квинтэссенцией романтизма»⁷. Из «ящика» ежедневно извлекали массу писем: там была всяческая информация о злоупотреблениях и волоките чиновников, включая анонимные и оскорбительные послания. При этом Павел якобы приказал разыскивать авторов и разбирать все поданные ими запросы. Подобной мерой он надеялся, по-видимому, улучшить делопроизводство и управление на местах.

Далее неизбежно надо говорить об особой любви Павла I к армии и флоту. Напомним, что как наследник, цесаревич, он с 1762 г. носил звание генерал-адмирала⁸.

Поэтому уже в 1796 г., когда Павел пришел к власти, был издан указ о принятии новых воинских уставов: «О полевой и пехотной службе», «О полевой кавалерийской службе» и «Правила о службе кавалерийской». Среди прочего эти уставы устанавливали личную уголовную ответственность офицеров за жизнь и здоровье подчиненных им солдат. Офицеры могли подвергнуться взысканиям и получить серьезное наказание. Офицерам и генералам запрещалось пребывать в отпусках более 30 дней в году. Офицерам запретили делать долги. В случае неуплаты долга командир полка должен был вычестить нужную сумму из жалованья. Если жалованья не хватало, то офицера сажали под арест до уплаты долга, а жалованье перечисляли кредиторам. Для нижних чинов император ввел отпуск 28 календарных дней в году. Запретил забирать солдат для работы в имениях и привлекать к иным работам, не связанным с военной службой. Солдатам было разрешено жаловаться на злоупотребления командиров. Поэтому в отличие от офицеров нижние чины армейских и гвардейских полков были лояльны к новому императору и, по свидетельству современников, были искренне опечалены его смертью⁹.

Кроме того, до Павла I орденов или наград для солдат даже в Европе почти не было предусмотрено. Но уже в 1799 г. он ввел в России серебряную медаль «За храбрость», которой награждались нижние чины. Впервые было введено награждение солдат знаками ордена Святой Анны за беспорочную двадцатилетнюю службу. В 1800 г. Аннинский знак был заменен на знак ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Вторым после Павла в истории Европы наградные знаки для солдат ввел во Франции Наполеон. В 1797 г. Павел своим указом установил праздник всех кавалеров российских орденов.

Изменил Павел I и статус полкового знамени. С 1797 г. он приказал выдавать полковые знамена только драгунским и кирасирским полкам. Кроме того, со времен Петра I полковые знамена и штандарты относились к табельному имуществу. Павел Петрович перевел их в разряд полковых святынь.

Император также установил торжественную церемонию освящения штандартов и знамен в армии, порядок вручения святынь

полкам, принятие присяги под полковыми знаменами. Произнося слова присяги, воин одной рукой держался за полотнище знамени, а другую поднимал вверх¹⁰. Нетрудно заметить, что эта мера добавляла к традиционным воспитательным мерам по поддержанию дисциплины в армии еще и дополнительное (мотивирующее!) чувство корпоративной гордости нижних чинов, состоящих в одном полку или эскадроне, способствующее сплочению армейского коллектива.

Международная политика императора Павла I также вызывала массу вопросов и нареканий у современников и потомков. Она казалась многим слишком последовательной и даже противоречивой. К числу подобных «ненормальностей» некоторые относили и союз Павла I с султаном Османской империи Селимом III (1789–1807). Хотя в действительности этапов изменений в русской внешней политике было всего лишь два, и каждый из них демонстрирует тактическую гибкость императора в вопросах международных отношений.

События в Европе и, в частности, в Средиземном море с началом революционных событий во Франции складывались для русской армии неоднозначно. Французская Республика наступала по всем фронтам, одерживая победы над итальянцами, пруссаками и австрийцами. Остановить это наступление поначалу не казалось возможным. Именно в этот период, руководствуясь вполне прагматическими соображениями политики, Павел I взял неожиданный для всех курс на сближение с турками. Сближение этих, казалось бы, «вечных» противников было как гром среди ясного неба. Как эмоционально отозвался об этом тогдашний канцлер Российской империи А. А. Безбородко, «Надо выростить таким уродом, как французы, чтобы произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на своем веку увидеть не чаял»¹¹. Порта пошла на сближение, которое было закреплено союзным договором 1799 г.

В результате этих совместных действий французы капитулировали на Ионических островах. По Константинопольской конвенции 1800 г. Ионические острова получили статус полунезависимой Республики Семи Соединенных островов. Создание этой республики имело большое значение для будущего полного освобождения Греции. Это было (с некоторыми оговорками) первое греческое государственное образование с 1460 г. У греков теперь появилась реальная надежда на независимость. Мечты и планы

Петра I, Юрия Крижанича, да и самой Екатерины II подлежали воплощению¹².

Стоит отметить, что в подобной ситуации сам император, традиционно верный монархическим и консервативным принципам, ради успеха дела пошел на то что, по сути, «закрыл глаза» на республиканскую форму правления этого нового государственного образования. Уже одно только это демонстрирует его способность к политической гибкости, трезвомыслию и отсутствие твердолобого доктринерства в вопросах внешней политики.

Это внезапное для всех «сближение» России и Турции против французов дало блестящий тактический результат: в этот период были сняты все вопросы с Великобританией относительно действий русского флота на Средиземном море. Больше того, Россия с Великобританией становятся ситуативными союзниками на Востоке.

Кажется невероятным, но именно в этот период выдающийся британский флотоводец адмирал Г. Нельсон и русский командующий Средиземноморской эскадрой адмирал Ф. Ф. Ушаков были практически одновременно удостоены высшей османской воинской награды – так называемого челенка – пера с бриллиантами. Челенк Горацио Нельсону султан Селим III вручил за победу при Абукире, а Ф. Ф. Ушакову (Ушак-паше) – за взятие у французов крепости Корфу. При этом сам султан Селим III получил, в свою очередь, от императора Павла I книгу, украшенную бриллиантами.

С другой стороны, провал Голландской экспедиции (1798–1799) и вероломство австрийцев против суворовских войск в Италии и Швейцарии в известной степени аннулировали эти успехи¹³. Разочарованный вероломством австрийцев и еще более – англичанами, захватившими Мальту, император начинает искать контактов с восходящей звездой Французской Республики – генералом Бонапартом.

Когда последний был избран Первым консулом, Павел I с готовностью пошел на этот маневр: республиканцы ему не нравились, поскольку их он считал вольтерьянцами. Избрание Наполеона Первым консулом подготовило почву для переговоров. Император теперь «понимал» Наполеона и считал, что с ним можно «иметь дело», и это предпочтительнее, чем с безличной и неустойчивой Директорией.

Сам Павел I внимательно присматривался к корсиканцу. Когда он понял, что революционный период Наполеона закончился,

можно было подумать и о союзе с Францией. Было очевидно, что французы изменились: они перестали устраивать торжественные сожжения «золотых книг», высаживать так называемые «Деревья Свободы», устраивать специфические ритуалы «революционных идеалов», республиканский террор (с гильотиной на Гревской площади) постепенно сошел на нет, т. е., так или иначе происходил постепенный закат революции.

Обстановка на Ближнем Востоке была также довольно сложной. Потенциальный союз с французами вызвал недовольство и австрийцев, и англичан – вектор российской внешней политики поменялся. В ожидании появления в русских водах британцев русский флот и сухопутные войска деятельно еще с осени 1800 г. готовились к борьбе. В этот период Павел I имел намерение двинуть казачий отряд на Индию. Исследователь А. Д. Каллистов (не вполне, впрочем, полномочно и обоснованно¹⁴) считает этот поход состоявшимся¹⁵. По крайней мере, сама возможность совместных действий России и Франции на Востоке даже по мнению Наполеона отнюдь не выглядела фантастичной¹⁶.

После того, как летом 1798 г. Мальта без боя сдалась французам, Мальтийский орден остался без великого магистра и без места. За помощью рыцари ордена обратились к российскому императору Павлу I, который, разделяя рыцарские идеалы чести и славы, годом ранее объявил себя защитником древнейшего духовного ордена.

29 ноября (10 декабря) 1798 г. Павел I издал высочайший Манифест об установлении в пользу российского дворянства ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Российский орден Святого Иоанна Иерусалимского и Мальтийский орден были частично интегрированы, а Павел I был избран великим магистром Мальтийского ордена 16 (27) декабря 1798 г., в связи с чем к его императорскому титулу были добавлены слова «... и Великий магистр ордена св. Иоанна Иерусалимского». На российском гербе появилось изображение Мальтийского креста.

Три древние реликвии госпитальеров – частица древа Креста Господня, Филермская икона Божией Матери и десница св. Иоанна Крестителя – были доставлены в Гатчину и 12 (23) октября 1799 г. торжественно внесены в церковь Гатчинского дворца. 9 декабря того же года святыни перевезли из Гатчины в Петербург, где их поместили в придворной Большой церкви Зимнего дворца. В память об этом событии Священный

Синод установил 12 (24) октября 1800 г. ежегодное празднование в этот день «перенесения из Мальты в Гатчину части древа Животворящего Креста Господня, Филермской иконы Божией Матери и десной руки святого Иоанна Крестителя».

Для рыцарей в Гатчине был построен Приоратский дворец, кроме того, в их распоряжение был передан Воронцовский дворец, при котором была устроена Мальтийская капелла. Император издал указ о принятии острова Мальта под защиту России. В календаре Академии наук, по указанию императора, остров Мальта должен был быть обозначен «губернией Российской империи». Павел I хотел сделать звание гроссмейстера наследственным, а Мальту присоединить к России. На острове император планировал создать военно-морскую базу для обеспечения интересов Российской империи в Средиземном море и на юге Европы.

Однако это не устраивало англичан, поскольку Мальта (наряду с проливами и Гибралтаром) является одним из трех основных ключей к Средиземноморскому региону. И обладание этим островом уже в качестве базы британского флота считалось для них жизненной необходимостью. Отдать Мальту в руки русских считалось в Лондоне категорически неприемлемым.

Поэтому гибель Павла I в Михайловском замке 12 (24) марта 1801 г. была не только большой удачей и радостью для англичан, но и большим ударом для Франции: Наполеон, узнав о гибели государя, с гневом заметил: «Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза (в день взрыва адской машины на улице Сен-Никэз. – А. В.), но они не промахнулись по мне в Петербурге!»¹⁷.

После убийства Павла вступивший на престол Александр I нормализовал отношения с Британской империей и отказался от титула гроссмейстера. В 1801 г. по указанию Александра I с герба был убран мальтийский крест.

При этом весть о кончине императора послужила причиной «бесстыдной, позорной, неумеренной и непримиримой радости» вокруг царя Александра I. Адам Чарторыйский, польский шляхтич, писал, что это было какое-то всеобщее оглупление и опьянение. Далее он сообщил, что «ослепленная чернь предалась самой необузданной радости»¹⁸.

Другой современник, герцог Евгений Вюртембергский отметил, как кротко и любезно держал себя молодой монарх Александр I. Евгений Вюртембергский считал, что новый царь вел себя подобно верующему в первые века христианства.

Не все так относились к бывшему императору. Свидетель падения Павла I И. А. Саблуков писал о старообрядцах и раскольниках (очень многочисленная группа в русском населении), что те выражали свое сочувствие вдовствующей императрице. Раскольники были особо признательны Павлу I как своему благодетелю, даровавшему им право отправлять свое богослужение и разрешавшему им иметь свои церкви и общины.

Таким образом, сам по себе факт убийства императора Павла I иллюстрирует не только, да и не столько «тиранический» образ его правления или его неспособность к государственному управлению, сколько распущенность правящих придворных кругов того времени и моральное состояние в офицерских чинах лейб-гвардии. Убийство Павла I в Михайловском замке: 1) лишало Россию (даже в перспективе) владения стратегически важной Мальгой; 2) разрывало союз России с наполеоновской Францией; 3) заново портило отношения с султаном Селимом III и, кроме того, имело еще значительное количество иных тяжелых для России последствий.

Охарактеризуем Павла I еще раз¹⁹: исследователь Е. И. Юркевич прямо говорит о чрезвычайно трудной задаче Павла I, бывшего царем огромной, неоднородной в политическом смысле державы. Поэтому и мотивы его правления были понятны слишком немногим. Именно с этим и была связана его мученическая гибель, в дополнение к общепринятой «британской» версии.

Но вместе с тем, по мнению многих отечественных исследователей, Павел I сочетал свое «рыцарство» со здоровым прагматизмом. Его личные пристрастия отступали перед государственными интересами²⁰.

Так что в ряду деяний Павла как императора союз с султаном Селимом III отнюдь не выглядит чем-то экстравагантным: при максимально близком рассмотрении большинство «причуд» императора, подаваемых его недоброжелателями как свидетельство его «нездоровья» и неспособности управлять государством, в действительности имеют вполне глубокий государственный смысл. Напротив, последующее правление императора-отцеубийцы Александра I имело для всей России весьма печальные и долговременные итоги.

- ¹ Каратов Ф. В. Павел I. Его семейная жизнь, фавориты и убийство. Лондон, 1902. С. 10.
- ² Шумигорский Е. С. Павел I (1754–1801): биографический очерк. СПб.: Тип. гл. упр. делов, 1899. С. 40.
- ³ Streeter, Michael. Catherine the Great. Haus Publishing, 2007. P. 127.
- ⁴ Шумигорский, 1899. С. 45.
- ⁵ Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 162.
- ⁶ Шумигорский, 1899. С. 45.
- ⁷ Сергеев В. И. Павел I (гроссмейстер мальтийского ордена). Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 410.
- ⁸ Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.; СПб., 2007. С. 5.
- ⁹ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1: от Нарвы до Парижа: 1700–1814 гг. М., 1992. С. 180.
- ¹⁰ Акуленко В. П. Реформирование российской армии в конце XVIII – начале XIX века // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 15–21.
- ¹¹ Павел I / Сост. А. Е. Барыкина. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2021.
- ¹² Петрунина С. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М., 2010. С. 96, 99.
- ¹³ Керсновский, 1992. С. 183; Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I. СПб., 1857. Т. 1. С. 90–92.
- ¹⁴ См., например: Митрофанов А. А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). М., 2006. С. 130–145 и др.
- ¹⁵ Каллистов А. Д. История русской армии и флота. М.: Моск. Кн-изд. Т-во «Образование», 1912. С. 163.
- ¹⁶ Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. М.: Русский культурный фонд «Империя Истории», 2006. Т. 1. С. 63.
- ¹⁷ Соколов, 2006. С. 69.
- ¹⁸ Коцебу А. Ф. фон. Записки Августа Коцебу. Незданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I / Пер., примеч. А. Б. Лобанова-Ростовского // Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. 2-е изд. СПб.: А. С. Суворин, 1908. С. 403.
- ¹⁹ Юркевич Е. И. Царственный мученик Император Павел I. СПб.: Царское дело, 2022.
- ²⁰ Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823 и 1826 гг. М., 1986. С. 204, 306. Асвариц М. Б. Портрет на фоне эпохи // Царевубийство 11 марта 1801 г. С. 13; Захаров Д. История Мальтийского ордена. М.: Вече. 2020. С. 164–165.